

Савчук В. С. Естественнаучные общества юга Российской империи: вторая половина XIX — начало XX вв. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского государственного университета, 1994. — 231 с.

При небольшом объеме и непритязательном названии книга Варфоломея Степановича Савчука (Днепропетровский университет, Украина) является серьезнейшей работой по социальной и институциональной истории науки. Автором по крупицам собраны сведения из печатных источников и фондов местных и центральных архивов. Книга насыщена таблицами, диаграммами и графиками, построенными на основе скрупулезно собранных количественных данных.

Книга открывается общим рассуждением о роли научных обществ в развитии науки в России. Обращаясь к высказываниям В. И. Вернадского и Д. И. Менделеева, автор утверждает, что успешное развитие множества научных обществ в Российской империи было связано с тем, что образованная публика обратилась к общественным организациям в своем стремлении к свободному и эффективному развитию науки. Такое «общественное убежище» для науки было особенно необходимо, поскольку режим того времени накладывал жесткие ограничения на активность таких государственных учреждений, как учебные заведения, комитеты и институты. Без сомнения, детально проработанное исследование В. С. Савчука представляет убедительное свидетельство в поддержку этой концепции. Как явствует из рецензируемой книги, по крайней мере в отношении юга Российской империи, научные общества играли ведущую, если не исключительную, роль в развитии научных исследований и распространении научных знаний в регионе.

Работа обществ этого региона (таких, как Общество естествоиспытателей при Новороссийском университете, Крымско-Кавказский горный клуб, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, Екатеринославское научное общество, Николаевское общество любителей природы, Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей природы) по поддержке и развитию научных исследований была весьма успешна. Достаточно упомянуть роль Новороссийского общества естествоиспытателей в организации Севастопольской биологической стан-

ции, роль обществ в финансировании работ и экспедиционных исследований И. И. Мечникова, И. К. Пачоского, В. И. Шмаңкевича, И. Я. Акинфиева и других ученых, формально не связанных ни с университетами, ни с Академией наук.

Общества были решающей силой в формировании того, что Савчук называет «единым научным пространством», — не только в регионе, но и во всей империи. Более того, общества помогли соединить российскую науку со всем мировым научным сообществом благодаря своим публикациям. Несмотря на то, что разные общества тратили на издательскую деятельность разные доли из своего бюджета (от 17% у Николаевского общества любителей природы до 53% у Новороссийского общества естествоиспытателей), в целом их активность была впечатляющей для своего времени. Заслугой обществ было то, что все они свободно предоставляли страницы своих изданий для работ ученых, не состоявших в университетах и иных научных заведениях, отражая демократическое неприятие всякой кастовости, в том числе и научной. Для многих периодические издания обществ были важнейшим каналом научного общения. Обмен периодическими изданиями и присуждение почетного членства известным зарубежным ученым укрепляли формирующиеся связи с аналогичными организациями за границей.

Блестящим примером существования такого «единого научного пространства» было объединение ресурсов для пионерских работ по комплексным глубоководным исследованиям Черного моря. По инициативе Новороссийского общества естествоиспытателей и при поддержке Российского географического общества удалось связать воедино усилия ученых и моряков-гидрографов. Морское министерство предоставило суда, а субсидии на работы дали упомянутые общества и Одесская городская дума. Общества не раз объединяли усилия на научно-административном и общественном фронтах, например, когда участвовали в организации университета в Крыму или защищали заповедник в Аскании-Нова во время гражданской войны.

Помимо поддержки и организации исследований и интеграции научных сил, общества вели огромную просветительскую работу в своих городах и губерниях. Они устраивали празднования научных юбилеев, приглашали ученых из других городов и регионов для публичных лекций, организовывали музеи, ботанические сады, выставки и многие другие культурные мероприятия и учреждения. Сами местные провинциальные музеи в свою очередь становились центрами научной деятельности и просвещения, привлекая молодежь к науке. Можно в связи с этим вспомнить, что путь в науку географа и биолога Л. С. Берга, в то время ученика кишиневской гимназии, начинался с визитов в местный губернский музей к зоологу Ф. Ф. Остерману.

Наконец, не последней задачей местных научных обществ было развитие и распространение того образа гражданского общества, который был характерен для российской интеллигенции. История этих обществ — постоянно идущая борьба с царским режимом за большую автономию, более демократические уставы и положения и, самое важное, за большие права распространять свое влияние внутри и вне их регионов. Иногда их демонстративная защита гражданских свобод вызывала затяжную подозрительность режима. Савчук показывает это на материале целого ряда случаев, когда научные общества поддерживали и помогали ученым, находившимся в опале, — например, М. А. Мензбину в 1911 г. после разгрома Московского университета или В. В. Курилову, который оставался президентом Екатеринославского научного общества даже после того, как оказался под надзором за политическую неблагонадежность.

Усилия по превращению относительно независимых научных обществ не только в учреждения общего научного образования, но и в центры распространения гражданских ценностей не оставались без возражений и сопротивления и на уровне самих обществ. Инженеры-преподаватели Екатеринославского высшего горного училища с самого начала возражали против «активистского» устава и неопределенно широкого подхода Екатеринославского научного общества к своим задачам и потенциальным членам. По словам председателя общества профессора В. В. Курилова, «провинциальное общество должно было служить демократизации науки... Работать в таком обществе призван был всякий, кто желал с наукой иметь общение „без различия звания, состояния и вероисповедания“». Последнее привело к тому, что одни желали только чистой науки, другие требовали только популяризации...» (с. 120). В конечном

итоге в 1911 г. было создано более узкоориентированное на науку Общество содействия успехам естественно-математических и технических наук при Екатеринославском высшем горном училище, в котором принимали участие практически все преподаватели училища. При этом, как отмечает Савчук, «большинство из них продолжало оставаться и членами Екатеринославского научного общества, занимаясь там научно-просветительской деятельностью» (с. 121).

Савчук успешно обосновывает утверждение, что эти общества во все время их существования и особенно в период кризиса (первой мировой и гражданской войн) являлись «объединяющим, интегрирующим ядром интеллигенции» (с. 213), будучи моделями и центрами гражданской самоорганизации.

Рассуждения автора становятся несколько абстрактными, когда он утверждает (подобно Борису Гессену), что развивающийся капитализм и экономический рынок создавали социальные потребности в науке. Здесь Савчук опирается на косвенное доказательство, отмечая тот факт, что южные районы империи в одно и то же время были бурно растущим промышленным и сельскохозяйственным регионом и местом особого сосредоточения научных обществ. Нет сомнения, что здесь имеется реальная связь, но ее конкретные проявления еще предстоит изучить. Необходимо выяснить, как именно коммерческая и промышленная среда создавала повышенный интерес к науке вообще и к деятельности научных обществ в частности.

Действительно, имеющиеся исторические источники приведены в порядок, но нам необходимо и понимание того умонастроения, благодаря которому земства и другие патроны научных обществ решили их поддерживать. Вот, к примеру, один конкретный вопрос из множества возможных: почему Екатеринославский губернатор граф Келлер поддерживал более демократический вариант устава Екатеринославского научного общества, нежели Министерство народного просвещения? Для того чтобы дать ответ на подобные вопросы, Савчук обращается к словам Вернадского: «... именно среди этих [охваченных научной верой] лиц, получивших идеальную опору жизни вне рамок государственной или церковной организации, людей духовно свободных, должны были находить место освободительные стремления русского общества» (с. 31). Возможно, что найти более конкретные объяснения определенных поступков будет весьма трудно, но вряд ли можно удовлетвориться такими общими декларациями деятелей того времени, даже таких авторитетных, как Вернадский. Надо надеяться, что автор

в будущих работах сумеет применить свой историко-аналитический талант к более детальному изучению умонастроений и менталитета образованных слоев юга Российской империи.

В книге автор кратко затрагивает и вопрос эволюции естественнонаучных обществ в 1917—1931 гг. Южные научные общества не пережили введения партийности в период «великого перелома». Книга заканчивается на современной ноте — указанием, что в настоящее время «возрождается интерес к организации общественно-научных структур». Изучение истории общественных организаций, по мнению автора, «является необходимым звеном в понимании процессов становления гражданского общества» на Украине и в России в наши дни.

Действительно, свобода слова и собраний вернулась в Россию и на Украину с падением коммунистической партийной системы. Но научные общества были образованиями определенного времени, зависящими от особой

социальной ситуации и существовавшими в качестве особой практики научной жизни. Все эти социальные параметры, все ментальности и мировоззрения, связанные с практиками научных обществ, давно канули в прошлое, и не только в России и на Украине. Невозможно ожидать возрождения былой активности и былой роли научных обществ. Воссоздание гражданского общества и демократической науки в наши дни пойдет новыми путями. Эти пути придется изобрести, если мы не хотим перейти к жизни в очередном регламентированном «бравом новом мире». Хотя блестящее историческое исследование Савчука и не может дать нам формулу восстановления гражданского общества, оно с пользой напомнит нам о тех прошедших днях, когда ученые всерьез относились к своим гражданским обязанностям и хранили еще не потускневший идеал — надежду на то, что умножение знания и понимания может сделать мир лучше.

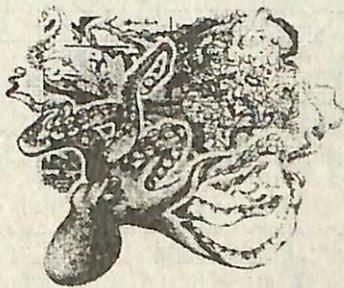
Д. Уинер (Тусон, Аризона). Перевод с английского Д. А. Александрова

Historisch-Meereskunliches Jahrbuch / Hrsg. für die Deutsche Gesellschaft für Meeresforschung. — Berlin: Reimer. Bd. 1 (1992), Bd. 2 (1994).

Ежегодник «*Historisch-Meereskunliches Jahrbuch*» издается Немецким обществом морских исследований. Во введении к первому выпуску редакторы Ежегодника Вальтер Ленц и Бурхардт Ватерманн (Институт морских исследований Гамбургского университета) пишут, что толчком к основанию специального издания по истории морских исследований в Германии послужило проведение в 1987 г. IV конгресса по истории океанографии в Гамбурге и издание в 1990 г. трудов этого конгресса. Преемственность этих изданий отмечена единством их оформления — обложки «Трудов Конгресса» [1], изданной к Конгрессу замечательной «Библиографии по истории океанографии в Германии» [2] и брошюры «Первые немецкие океанографические институты, экспедиции и океанографы» [3] украшает эмблема Конгресса — гигантский осьминог, символизирующий успехи в познании моря, на фоне старинной карты мира, изданной в Гамбурге. Этот же рисунок украсил и обложку нового Ежегодника.

По словам редакторов, при выборе публикаций для Ежегодника преимущество отдается работам, в которых описывается история становления дисциплины в Германии во всем многообразии связей океанографии с другими дисциплинами, рассматривается общественный фон, на котором происходило развитие морских исследований. В отличие от указанных

выше изданий, большая часть статей в Ежегоднике написана по-немецки, и только статьи К. Бенсона (США) и Й. Смеда — по-английски.

Deutsche Gesellschaft für Meeresforschung

В двух выпусках Ежегодника помещено двенадцать статей, четыре из них посвящены истории океанографии *per se*. Это две статьи Йенса Смеда по истории международного сотрудничества в области океанографии на рубеже XIX и XX вв. Этот период особенно важен, так как именно тогда сложился и начал действовать Международный совет по исследованию морей